

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ» В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОНАУЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (СТАТЬЯ 1)

**В.В. Ильин*, Е.А. Бирюкова*, С.Н. Вишневская*, О.П. Сапегина*,
Е.К. Шаура****

*ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени
Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (Калужский
филиал), г. Калуга

**ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных от-
ношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федера-
ции», г. Москва

С рубежа технологического доминирования NBICS как ядра технотехники не природа, а культура (человек) берет на себя креативные функции. История природы встраивается в тело родовой интеллектуально-технологической истории. С позиции высокой философской рефлексии изложенное уточняет магистраль сопряжения естественного и искусственного, мира природы и мира культуры. В обмирщении целей, созидании целемерной рукотворной реальности история становится воплощением свободы, свобода оказывается судьбой. Сферы неорганики, органики, надорганики делаются одной сферой – сферой порождающего устройства и порождения, востребующей всестороннего гуманитарного оправдания.

Ключевые слова: *инструментальный разум, технократическая рациональность, homo projectivus, homo humanus.*

Техника – тактика жизни, но далеко не стратегия. Если следовать объемному вольтеровскому «возделывать наш сад», на ресурс техники возможно полагаться в последнюю очередь.

Речь не о луддитском противодействии прогрессивному техническому обновлению оружейной базы удовлетворения стандартных витальных запросов, речь – о противодействии универсализации техники как функционального инструмента жизнетворчества.

Корень жизнеустроительного зла – технократическая рациональность, апологетизирующая инструментальное владычество над природой, обществом, человеком, развертывающая некую панацею техники в терминах идеологической утопии.

Судьба же последней, как всякой формы ангажированного, превращенного сознания, – обслуживание цинизма...

Уже Кант, выполняя критику «чистого» разума, демонстрировал несостоятельность гуманитарно неадаптированной, формально правильно организованной мыслительной способности – несостоятельность, вытекающую из нечувствительности, нечуткости ее к человекозначимой, жизнеемкой сюжетике. «Чистый» разум, руководствуясь внутренними основоположениями кор-

ректности (непротиворечивость, тождество, достаточное основание), способен обслуживать любые (любые!), в том числе вызывающе мизантропические предприятия.

Заявленную Кантом критическую линию усугубил Гегель, подвергший остракизму «абстрактность» (гуманитарную невосприимчивость – «чистоту» – жизненную никчемность) отлаженно действующей мыслительной машины.

В казусе немецких философских классиков рассуждения не покидали почвы интеллекта – довольно отрешенных умствований, выглядящих как напутствия-предостережения.

Дело приняло совершенно иной оборот в наши дни: перекрыв самостоятельные границы мышления, соединившись с техникой, разум (техноразум) вышел на широкую дорогу преобразовательства; он сделался полномочным агентом практического процесса, полноправным законодателем миростроительства.

С данного рубежного времени техноразум в полной мере проявил свою субстанциальную сущность, став индуктором амбивалентного техномира – мира, по всем азимутам теснящего своего породителя.

Эстафету критиков «чистого» разума подхватили критики «чистого» (в превращенно идеологической модификации) техноразума, в лице Хайдеггера, Эллюля, Бердяева, франкфуртцев, адептов римского клуба и других, выражающих озабоченность по поводу бездумно-бездушного онтологического сочинения реальности (программирование материи, человека), а говоря обобщенно, порождения богочуждой эры вещизма, консюмеризма, угнетающей, репрессирующей инструментальности.

Жизнь становится комфортнее, но не лучше; человечность вытраивается, оскудевает. И сопровождающие упрочение конвейерно-автоматичного поточного массового информационного общества широко известные явления податливость, внушаемость, стереотипность, комфортность, обезличенность – прекрасное (ужасное!) тому свидетельство.

Почему следствием технонаучных интервенций в сущее выступает дегуманизация с неприглядным паушальным эффектом – деформацией человечности? В чем причина тлетворного перерождения? Высказываясь односложно, в превращении средства в цель, утрировании «чистоты», функционализма.

О чем речь? О развертывании специфической идеологии техники, свободной от контроля со стороны практического гуманизма, естественных проявлений человечности. В таком курсе видения ординарная техника трансформируется в экстраординарный техницизм.

Проводя параллель, сошлемся на макиавеллизм, ратующий за автономизацию политики: добываемая «чистоты» политической деятельности платформа «политика ради политики» суть политизм. Аналогично эмансипация и радикальная гиперболизация фиксированных форм практически-духовного в ущерб гуманизму имплицитно:

- «экономика ради экономики» – экономизм;
- «искусство ради искусства» – эстетизм;
- «наука ради науки» – сциентизм;

– «инструментальность ради инструментальности» (с перекрытием натуралистической «ущербности» человека, евгеническим улучшением рода, трансгуманизмом) – сомнительный инструментализм. [2, с. 89].

Что фундирует макиавеллизм инструментального разума (ИР)?

Не растекаясь мыслью по древу, скажем прямо: неспособность адекватно оценивать и ценить «человеческое». Юм, В. Гумбольдт выдвигали завораживающую идею организации целостной науки о человеке. Правда без покрова заключается в том, что с XVIII в., как ни странно, не предпринято ощутимых, тем более решительных, планов для реализации этого. Сложность концептуализации антропного фактора обуславливается его крайней многомерностью, востребующей укрощения весьма отягощенными понятиями. Понятиями, до сих пор вырабатываемыми.

Если, избегая предвзятых мнений, охарактеризовывать саму программу положительного выполнения гносеологического проекта «человековедение», то, не боясь условности однозначных квалификаций, возможно высказать: это – «логика распада» (Адорно), разрушающая изначальную симультанность, сукцессионность, синергийность человеческого [3, с. 89–94].

Философская традиция (с Античности) разводит разумно-рациональное и духовно-душевное, формирует питательную почву дихотомизации сущностных способностей человека: нус – пневма, логос – псюхе, дианоиа – тюмос и т. д. Первое – интеллектуальное, логическое, понятийное, активное, утилитарное; второе – ценностное, внелогическое, непонятийное, пассивное, созерцательное.

В Новое время (Декарт – Гейлинкс – Мальбранш – Лейбниц) утверждается психофизический дуализм, параллелизм, питающий капитальную оппозицию психологизм – физикализм (ментализм – соматизм).

Заложенная данными углами зрения альтернативистика душа – тело, познание – мораль, знание – вера исподволь постепенно обретала статус фронтального противостояния двух парадигм: природности и сверхприродности.

Исходная интенция Юма на комплексное знание о человеке (отображенная в названии базового трактата – «Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте (т. е. науке. – *Авт.*) метод рассуждения к моральным предметам (т. е. душе. – *Авт.*)» оказалась невостребованной. Последующие, во всем уместные стремления инкорпорировать в изучение внутреннего мира человека более или менее обозримые (неумозрительные) техники психометрии, психофизики расценивались как агрессивные вмешательства, посягательства на сокровенно-сердечное (ср.: мотив сверхрационального «сердца» в философии Юркевича).

Содержательно консолидируясь, насыщаясь, интерпретация человека в термине «существо телесное» имплицировала методологический физикализм, натурализм, сциентизм; в термине «существо духовное» – методологический психологизм, антропологизм, антисциентизм. Два типа «светоносных» декретирующих состояний, конкурируя на рынке философских идей, придавали вес собственным представлениям дискредитацией соображений соперников. Лагерь физикалистов разыгрывал карту «беллетризм», «вненаучность»; лагерь антропологистов – карту «фундаментализм», «редукционизм».

Снять пикировку могла серьезная рефлексивная проработка существа семантического арсенала, версифицирующего человеческую природу. Однако вместо осуществления оной материализовалось бремя постановок понятий на место реалий; тень традиций легла затмением на исследования, приглушила поиск, осенила движение мысли.

Перемены приходят вместе с болью – болью утраченного. Обидный показатель упущенных возможностей – то, что «миллионы страниц заняты изображением внутреннего мира человека, а результатов этого труда – законов душевной жизни... мы до сих пор не имеем» [5, с. 88].

Невозможность подобных законов в апологии сциентистской (внеценностно-бездуховной) версии человечности прокламировали позитивисты, прагматисты. Контрверсию на суверенитет человековедения, неуместность природоведческих инкорпораций в него проводили баденцы, экзистенциалисты, персоналисты, постромаистики, философы жизни, неоспиритуалисты, герменевтики.

Круто свернуть с колеи отвлеченных методологических штудий заставила технонаука, действующая в режиме не переложения мыслей (наука – метафизика; номотетическое – идиографическое), а перехвата темы: антропоизыскания она подсветила широко вещательным технологическим (едва не техномагическим) эффективизмом.

Дабы хвост не вилял собакой, понимая, что жатва обильной нивы «человеческое» в немалом – предмет профессиональных усилий специалистов по генной инженерии, биомедицине, евгенике, геномике, когномике, информатике, искусственному интеллекту, в «метафизической» плоскости выясним, что подлежит, что не подлежит, а что не может подлежать технонаучному исполнению многоголосной партии «человеческое».

Онтологическая плоскость. Плод давнего, всестороннего уразумения: человек – не колония клеток, не биомасса, не «организованное тело» (Ламетри). Вернее не «не», а не «только» и не «столько». Настаивать на сказанном приходится вновь и вновь в судьбоносном развенчании механицизма, техницизма, тривиального физиологизма, механо-детерминизма, автоматизма, ассоцианизма, убогой рефлексологии, бихевиоризма.

Эксплуатируемые технонаукой, ИР привилегированные мотивы отнюдь не новы, заложены Декартом (картезианством).

Мотив первый: механицизм, мир – колоссальный механизм, машина, зная принципы устройства, действия которой возможно налаживать *Arg magna* – становиться господами и владельцами мироздания.

Мотив второй: конструктивизм, естественные (космосфера – производство Творца) и искусственные (техно-, социосфера – создания подобия Творца) системы суть изделия, выпуск которых (платформа, отвергаемая Античностью ввиду всеобъемлющей «созерцательности», Средневековьем – ввиду всеобъемлющего «креационизма») определяется объективацией механической энергии.

Мотив третий: редукционизм, сложное сводимо к простому и выводимо из него.

Мотив четвертый: сумматизм, целое – сумма частей.

Мотив пятый: фундаментализм, материя перестает улыбаться «своим поэтически-чувственным блеском» (как, оценивая трактовку объективной субстанции Бэконом, отмечали Маркс и Энгельс), оказывается блеклым олицетворением механического перемещения.

Мотив шестой: автоматизм, человек, как любая частица мироздания, заводная машина, воплощение механического движения [4, с. 199].

Кооперативный эффект указанных мотивов – схематическая платформа: человек как творец «в малом» (конечном) использует вскрываемые рефлексией приемы Творца «в большом» (бесконечном), созидает действительность по законам механики, выпускает машины (автоматы, механизмы) (по Декарту – Ламетри и далее Вольфу, растения, люди – не более чем автоматы; ср. с современным сельскохозяйственным автоматизмом получения «нужных продуктов» и далее – биомедицинским технологизмом получения «нужных» генномодифицированных людей) не кустарным (ремесленничеством), но промышленным способом.

Массово-поточное производство, универсальный стандартизирующий постав, фабрикация становятся, но не могут стать человекообразным модусом жизни. Сопротивляется немеханическое, неавтоматическое, немашинальное, небезыскусственное – собственно «человеческое» в человеке.

Минуя детали, сосредоточимся на кардинальном: на фоне понимания, что природа, общество, человек выделяются веками, – всем естественно-историческим эволюционным процессом, – во всех отношениях справедливо осмыслить фундаментальную стратегию технонауки (ИР) – искусственное конструирование: процедуру выпуска сущего – природо-социо-человеческих реалий по механической – умозрительной (Новое время) и неумозрительной (современность) – папо, bio, info, cogno, socio прагматике. Неподдельная и предельная озабоченность времен нынешних – полномочия homo projectivus, покушающегося на мироустройство.

В противовес факультативным методологическим экзерцициям механицистов неотделимые от часа и ситуации промышленные дерзания технонаучных операционалистов должны быть максимально ответственными. Однако же какую ответственность и как брать за переделку природной, социальной, человеческой органики в производстве эрзацев, суррогатов?

Предмет алхимической трансмутации в природной зоне – превращение несовершенного в совершенное (в широком прочтении, отвлекаясь от «металлопереработки»), в гуманитарной зоне – усовершенствование индивида.

Предмет техно-, социоморфизма – пересотворение вещества, человека посредством замещения естественного полноценного телесного, психического субстрата неравноценной искусственной неполноценной подменой. Именно так: неравноценной, неполноценной. Никакие эвфемизмы не приходят на ум при надобности квалифицировать далеко идущие интенции на выделку техноидов, киборгов, суперорганизмов, всецело уступчивых филистеров-виртуалистов, подвергшихся ET – имплементациям.

Денатурализация, дебиологизация, деперсонализация – «ЗД»-кредо – тревожная перспектива инструментального дереализующего морфогенеза. С отчетливо различимым привкусом некрофильства, бестиализма, симуляции. (Наше заинтересованное выражение мыслей в откровенной стилистике никоим образом не толкуется в духе технонигилизма – в частности, неприятия завоеваний NBICS-технологий. Наша цель – обострить проблематику гуманитарной состоятельности неотехницистской апологии ИР, претендующей на выстраивание тотального «мировейника», где техноконструированию (в первую голову – клонирование, культивация роевых сетей, развоплощение интеллекта, симбиотическое партнерство «мозг – компьютер»), подмена осязательного цифровым и т.п. [1]) отводится заглавная роль миростроения).

Если в тематизации креационистской ситуации в мире возникали сложности, теоморфизм применял блокирующий прием: вводил телеологический постулат «богоугодность» с прямолинейной финализацией «всемогущество всеблагое, всесовершенное, всезнающее Всевышнего». В осознании нарушения часов идиллии «идеальный творец – неидеальное творение; радость – страдание» бросался спасательный круг «Теодицея» с тем же промыслительным реквизитом [3].

Применительно к космоморфизму каких-либо сложностей в объяснении перипетий природного универсума вовсе не возникало – в створе телеономического постулата «природоугодность». Разумеется, в жизни есть «острые углы», но они обслуживают «целесообразное».

Очевидно, обе стратегии зиждутся на апелляции к абсолютному, ставному, тотальному: Бог, Природа – высшие начала, цели, ценности.

Подобной апелляции нельзя осуществить в стратегии техно-, социоморфизма, завязанной на относительное, хлипкое, локальное. Поскольку диспозиция введения целе-ценностных универсалий здесь не проходит, возникает опасность ущербной породительной инициативы – выработки «ускользающего бытия», «недобытия» (Хайдеггер), не могущего возыметь надлежащего оправдания. (Проект «Антроподицея», при необходимости объясняющий, почему «и на Марсе будут яблони цвести», ввиду паллиативности в расчет не берется.)

Итак, в онтологической плоскости социоинженерное проектирование, руководствуясь исключительно гипотетическими императивами, не добивается исконной конкордии «потребное – должное» (когда над всем «порхают бабочки»); в созидании рукотворного мировейника способно демонстрировать «активное ничтожество» (Достоевский).

Гносеологическая плоскость. Насколько далеко элитарное высокомерие ИР захватывает тончайшее, деликатнейшее выражение «человеческого» в человеке? Вопрос сообразно поэтике изыскания обсуждается в предельной редакции: принципиальная технонаучная возможность представления человечности без, так сказать, слепого доверия звезде.

Не разделяя популярное в прошлом (свойственное модификациям гносеологического романтизма – неокантианство баденской школы, философия жизни, философская антропология, экзистенциализм, персонализм и т.д.) предметно-методическое противопоставление наук о природе наукам о культуре (духе), выскажемся *ad probandum*: человеческое бытие – самосущее, с теоретико-познавательной точки зрения не «схватываемо» (иначе не скажешь) традиционными используемыми точной наукой техниками алгоритмизации, типизации, операционализации.

Возьмем случайно пришедшие на ум утверждения об экзистенциально прочувствованных обстоятельствах:

- равнодостоинство людей пред ликом вечности;
- хранить в подлости оттенок благородства;
- есть, с кем спать, но не с кем просыпаться;
- жизнь – длиннее одной любви;
- в жизни нет поражения, в жизни есть путь. Etc.

В списке указанных жизненнозначимых прозрений (далеких от комедии дель арте, буффонады) – фронеzisо-подобные антропоемкие ситуации, семантически разрешающиеся в своей тематизации реконструктивным считыванием

конкретных (!) смыслов с одновременным отнесением их к ценностным значимостям.

Никакой аналогии системе познавательных действий в точной науке здесь не просматривается. В строгих логико-математических казусах установление смыслов производится по накатанной колее методов: а) моделей, удостоверяющих истинность формул подбором предметных переменных; б) семантических таблиц (Бет, Земан, Смаллиан, Фиттинг). В менее строгих естественнонаучных казусах понимание-постижение замыкают на идентификацию смыслового содержания.

Между тем в антропоориентированных (гуманитарных) казусах имеет место не идентификация, а спецификация смысловых связей. Попробуйте растолковать (не покидая границы «точной» науки), как высокая любовь, светлое чувство разбивается о быт? Вспомним Зоценко, в изложении которого непреодолимым препятствием самоотверженной сердечной привязанности оказывается предмет мебелировки – поганый комод. Почему плотиной на пути сакрального вдруг неожиданно становится профанное?

Мышление человека смыслозначимо, машинное моделирование человеческого мышления – предметозначимо. Формально строгого перевода одного в другое (как показал опыт создания экстенциональных логических систем) не существует. Отсюда: человеческие интенциональные (смысловые) заявления и проявления самости не алгоритмизуемы, не типизируемы, не операционализуемы. При попытках их автоматичной репрезентации камнем преткновения выступает сохранение равнообъемности, равнообразности, тождественности, соблюдение интервалов абстракции отождествления, денотативных контуров. В теоретико-множественном измерении сказанное сводится к невозможности задания множеств обозримым заданием их элементов.

Следовательно, правильно отдавать отчет: неосуществимость перевода антропных интенциональных обстояний в обстояния экстенциональные предметные обусловлена неосуществимостью содержательной редукции гуманитарного к вещественному. Из чего следует: осваиваемые языками программирования экстенциональные (рефлексные) отношения не способны (ввиду неуподобляемости смыслов значениям) отображать интенциональные человеческие отношения.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
2. Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005. 213 с.
3. Ильин В.В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
4. Ламетри Ж. Сочинения. – М.: Мысль, 1983. – 511 с.
5. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.; Л.: Наука, 1977. 661 с.

THE «HUMAN» IN THE CONTEXT OF TECHNOSCIENCE CIVILIZATION (PART 1)

V.V. Ilyin*, E.A. Biryukova*, S.N. Vishnevskaya*, O.P. Sapagina*, E.K. Shaura**

*MGTU named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga

** Moscow State Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

At the turn of the technological dominance of NBICS as the core of technoscience, not nature, but culture (man) assumes creative functions. The history of nature is embedded in the body of a generic intellectual and technological history. From the standpoint of high philosophical reflection, the aforesaid clarifies the line of conjugation of the natural and artificial, the natural world and the world of culture. In the purpose of conciliation of goals, the creation of a concrete, man-made reality, history becomes the embodiment of freedom, freedom turns out to be fate. The spheres of non-organics, organics, supra-organics become a unified sphere – the sphere of the generating device and generation, demanding comprehensive humanitarian justification.

Keywords: instrumental mind, technocratic rationality, homo projectivus, homo humanus.

Об авторах:

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

БИРЮКОВА Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: cek-mgtu@mail.ru

ВИШНЕВСКАЯ Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

САПЕГИНА Ольга Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: ce1@bmstu-kaluga.ru

ШАУРА Елена Константиновна – кандидат философских наук, доцент, докторант ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва. E-mail: elenashaura@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD, Prof., Head of the Department of Social

Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

BIRYUKOVA Elena Anatolyevna – PhD, Assoc. professor of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: cek-mgtu@mail.ru

VISHNEVSKAYA Svetlana Nikolaevna – PhD, Assoc. professor of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

SAPEGINA Olga Petrovna – PhD, Assoc. professor of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: ce1@bmstu-kaluga.ru

SHAURA Elena Konstantinovna – PhD, Assoc. professor, doctoral student of Moscow State Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow. E-mail: elenashaura@mail.ru